

Михаил ЛЕВИТИН:

Всё. Москва. — 1993. — 6 с.

«Хорошо живем, все время едим»

Читатели «ВМ» наверняка помнят, что это лето оказалось трудным для театра «Эрмитаж»: пожары, в результате которых серьезно пострадала крыша здания (теперь, правда, практически восстановленная), затем попытки отобрать у труппы законно принадлежащее ей помещение, что заставило театр прибегнуть к крайней мере — к голодовке. Но и эта история закончилась благополучно — театр оставили театру.

Как живет «Эрмитаж» и его художественному руководителю Михаилу Левитину после летних потрясений, в преддверии нового сезона, который открылся 1 октября? Левитин шутит: «Хорошо живем, все время едим». А если серьезно...

— Эта история с борьбой за здание помогла мне еще раз убедиться в том, что меня окружают чудесные люди. Прежде всего — люди моего театра, которые не по своей вине попадают в различные передряги и защищают театр буквально собой, и, конечно, те люди, которые пришли к нам, чтобы просто поддержать в трудное время.

— В новом сезоне театр будет устраивать свои вторники. Это будет что-то вроде клуба для своих?

— Да, мы хотим предложить возможность хорошим людям увидеть друг друга, пообщаться в теплой человеческой обстановке, которой сейчас всем так не хватает. Но кроме наших тихих вторников, предполагаются и шумные, так называемые «левые вечера», уже включенные в репертуар театра. В этих «левых вечерах» примут участие люди, которых мы любим и которые любят нас.

— Михаил Захарович, сейчас вы

заканчиваете работу над гоголевской «Женитьбой». Можете ли вы сейчас сказать: «Мой спектакль будет...»

— Нет. Я знаю, о чем думаю в момент постановки, но о чем получится спектакль, сказать не могу. Мне кажется, о многом говорит название постановки: «Женитьба Н. В. Гоголя». Заняты в спектакле ведущие актеры театра, признанные театральные знаменитости Галина Морачева, Виктор Гвоздицкий, Лариса Панченко, Борис Романов, Александр Пожаров, Лидия Чернова, Геннадий Храпунков.

Про будущий спектакль я точно знаю одно: он будет другой, будет сильно отличаться от всех постановок, которые я видел, в том числе и от любимых мною эфросовских.

— Совсем недавно в журнале «Октябрь» был опубликован ваш новый роман «Сплошное неприличие», который один из критиков назвал

автобиографическим. Я знаю, что в «Октябре» же скоро выйдет еще одна ваша вещь. Можно ли и про нее сказать то же самое?

— На самом деле ничего автобиографического там нет. Просто мне казалось, что между моим героем, жившим в России и погибшим в лагере, режиссером Игорем Терентьевым существует определенное сходство. То же самое утверждаю и близкие к моему историче-

скому предшественнику люди. А мой следующий роман автобиографичен только в том смысле, что... много лет моему герою, так много лет, что внутренняя свобода начинает приобретать гиперболический масштаб.

— Вы чувствуете себя ставящим спектакли писателем или пишущим режиссером?

— Я чувствую себя полноценным человеком, когда занимаюсь и тем и другим. Я даже обратил внимание, что в день театральных неприятностей меня излечивает возвращение к литературной работе. А то, что у меня есть театр, позволяет не относиться к моим литературным занятиям с сумасшедшей озлобленностью. Я абсолютно верю в то, что пишу. Я абсолютно верю, что становлюсь с каждой книгой лучше, лучше по отношению к другим. Это уже много. И когда я прихожу в театр, обстоятельная и подробная работа над книгой заставляла меня углубленнее работать над спектаклем.

— Вы производите впечатление человека, у которого много сил и желания жить. Это действительно так?

— Во всяком случае, это впечатление долгое время было не ложным. Не так давно я даже придумал для себя эпитафию: «Очень любил про-

шлое, без интереса относился к будущему и с удовольствием жил в настоящем». Правда, сейчас я живу в мучительных бытовых условиях. У меня уже полтора года нет своего жилья, и это бездомье отнюдь не радует меня. Но у меня замечательные дети, которых я посвящаю все, что делаю...

— Михаил Захарович, я знаю, что ваша старшая дочь поступила в ГИТИС на актерский курс Петра Фоменко...

— Да она просто обманула нас всех. Оля окончила последний класс школы в Америке и должна была поступать в иняз, обещала нам не заниматься театром. Но буквально тайно, потому что ни ее мамы, ни меня не было в это время в Москве, она поступила к замечательному и любимому мною режиссеру Петру Наумовичу Фоменко. Возражать против ее выбора и не быть благодарным Фоменко за то, что он ее заметил, я не могу.

— Рассказывают, что ваши близкие, знакомые, ваши актеры призывают для вас со всех концов света обыкновенные карандаши. Откуда такая страсть к этому предмету?

— Я недавно сам думал: откуда? Такое ощущение, что у меня в детстве не было игрушек. Но это не так, просто я ими не играл, и лет с восьми мне стало необходимо таксовать в карманах и держать в руках карандаши. Но я собираю только простые карандаши.

Кстати, моя страсть к карандашам даже оказала мне в свое время помощь. Когда я поступал на режиссерский курс к Завадскому, то на консультациях, которые мастер не посещал, все время подбрасывал карандаши, и один из педагогов мне

сказал: «Ты поступишь» Я спросил: «Почему?» А он ответил: «Увидишь». Действительно, я видел уже на экзаменах, что Завадский на своем столе все время раскладывает целый паясык из карандашей, правда, цветных, и вообще с карандашами не расстается. Так что карандашам я обязан своим поступлением на режиссерский факультет в семнадцать лет.

— Предстоит ли в этом сезоне театру зарубежные гастроли?

— У нас существует несколько предложений. Уже реально одно, по которому мы через два месяца едем в Амстердам, где будем играть «Дон Жуана» и «Хариса». Поедем мы через Польшу, Чехию и Словакию, Германию, где тоже будем играть.

— Есть ли страна, в которой вы никогда не были, но мечтаете побывать?

— Ох, асть! Это невозможная мечта, она почти осуществилась бы в прошлом году, но помешали обстоятельства. Я должен увидеть Латинскую Америку. Я должен побывать в Колумбии, Венесуэле, Эквадоре, Бразилии. Меня привлекают в них прекрасная безответственность и верность ее жителей своему телу, своей душе. Я бы сказал, что все мое художественное воспитание — это Флэшкин, Гоголь, немножко южная школа, абсурдисты и писатели Латинской Америки. Из этой живописной, контрастной, веселой, жгучей смеси, мне кажется, я и создан.

Беседовала
В. МАЛЫГИНА.

Фото Ю. ФЕКИСТОВА.